

ОТЗЫВ

**официального оппонента на диссертацию Пашенцева Павла
Анатольевича по теме «Набильская археологическая культура эпохи
палеометалла на о. Сахалин. X–II вв. до н. э.», представленную на
соискание ученой степени кандидата исторических наук по
специальности 5.6.3. Археология**

Представленная диссертационная работа П.А. Пашенцева посвящена комплексному исследованию набильской археологической культуры эпохи палеометалла — одной из ключевых для понимания историко-культурных процессов, протекавших на острове Сахалин в I тыс. до н. э. Изучение данной темы представляет значительный научный интерес, поскольку позволяет уточнить механизмы культурных контактов на северной периферии островного мира Дальнего Востока в эпоху палеометалла.

Актуальность работы определяется состоянием изученности проблемы. Палеометалл Сахалина долгое время оставался одним из наименее обеспеченных источниками периодов островной археологии: соответствующие комплексы были известны преимущественно фрагментарно и не складывались в самостоятельные культурные единицы. Накопление за последние два десятилетия представительных коллекций с северной части острова создало предпосылки для пересмотра прежних представлений, и диссертация П.А. Пашенцева отвечает назревшей потребности в систематизации и аналитическом осмыслении этого массива данных. Выделение и всесторонняя характеристика набильской культуры, прослеживание её связей с сопредельными традициями восполняют ощутимую лакуну в археологической картине региона.

Структура работы логична и подчинена решению поставленных задач. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений и приложений, выделенных в отдельный том. Такая последовательность изложения — от историографического и источниковедческого анализа через комплексную характеристику культуры к реконструкции её внешних

взаимодействий — обеспечивает поступательное раскрытие темы и обоснованность итоговых выводов.

Автором чётко определены объект, предмет, цель и задачи исследования. Цель, сформулированная как реконструкция культурно-исторической ситуации на острове Сахалин в эпоху палеометалла на основе анализа комплексов набильской культуры, последовательно достигается через решение пяти конкретных задач. Хронологические рамки (X–II вв. до н. э.) обоснованы радиоуглеродной хронологией опорных памятников, территориальные — с привлечением для корреляции материалов сопредельных территорий Приморья, Приамурья и Алданского нагорья.

К несомненным достоинствам работы следует отнести введение в научный оборот качественно новой источниковой базы. До настоящего исследования керамика северного Сахалина I тыс. до н. э. изучалась преимущественно по подъёмным сборам и материалам разведок и зачастую по разнородным комплексам, что неизбежно вело к обобщённым и недостаточно дифференцированным представлениям. Автор впервые положил в основу характеристики культуры материалы раскопок семи опорных памятников с «условно закрытыми» комплексами и находками *in situ* на уровнях полов жилищ. Это качественное изменение информативности источниковой базы имеет самостоятельную ценность и обеспечивает прочную фактологическую основу для последующих исследований независимо от оценки отдельных интерпретаций.

Высокой оценки заслуживает проведённая автором критическая обработка корпуса радиоуглеродных определений. Соискатель выполнил верификацию, разделив даты на опорные, косвенные и противоречащие археологическому контексту. Рассмотрена проблема морского резервуарного эффекта, значение которой автор оценивает с учётом происхождения анализируемых образцов. Принята во внимание специфика калибровки на проблемных участках кривой. Эта процедура отражает зрелое владение методами абсолютной хронологии.

Существенным достоинством является комплексный, междисциплинарный характер исследования. Автор не ограничивается типологическим описанием материала, привлекая петрографический анализ шлифов, рентгеноструктурный анализ, экспериментальный повторный обжиг, оптическую микроскопию, трасологический анализ каменного инвентаря, планиграфический и стратиграфический методы, а также палеоклиматические реконструкции. Применённые естественнонаучные методы включены в единую исследовательскую стратегию, основанную на соподчинении макро- и микроуровней анализа.

Следует также выделить широту историографической базы, включая свободное обращение автора к японской литературе. Соискатель убедительно реконструирует процесс постепенного осознания самостоятельности набильской керамики в японской и российской традициях, сводя разрозненные терминологические обозначения в связную историографическую картину.

Следует отметить, что диссертация П.А. Пашенцева органично продолжает многолетнюю традицию изучения древней истории Сахалина, связанную прежде всего с трудами А.А. Василевского. В этом отношении работа важна не только как обобщение материала по набильской культуре, но и как развитие исследовательского направления, в рамках которого археология острова Сахалин рассматривается как самостоятельная и значимая область изучения древних культур Северо-Восточной Азии.

Особо следует выделить выполненный автором анализ соотношения набильской и сусуйской керамических традиций. Последовательно применив разработанное в рамках историко-культурного подхода различие субстратных и приспособительных признаков гончарства, П.А. Пашенцев сумел перевести многолетнюю дискуссию о происхождении сусуйской керамики из плоскости внешних аналогий в плоскость технологического анализа. Это позволило ему инструментально показать соотношение устойчивой местной (южносахалинской) основы и заимствованных извне элементов оформления, разграничив тем самым происхождение традиции и

внешнее воздействие на неё. Данный раздел представляет самостоятельную методическую ценность, выходящую за пределы собственно сахалинского материала, и может служить примером корректного использования теории гончарства для реконструкции культурных контактов.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые дана всесторонняя характеристика набильской археологической культуры, разработана её периодизация, построена типология жилищ и керамики, установлена корреляция культурной динамики с палеоклиматическими изменениями, охарактеризованы миграционные процессы на северном Сахалине и определён характер взаимодействия набильской культуры с синхронными культурами острова.

Основные положения, выносимые на защиту, в целом аргументированы и подкреплены фактическим материалом (с. 11). Автор убедительно фиксирует раннюю стадию формирования сахалинской контактной зоны эпохи палеометалла и раскрывает значение набильской культуры как одного из северосахалинских узлов островно-материковых связей. Работа показывает, что уже в I тыс. до н. э. северный Сахалин был включён в систему культурных контактов, через которую распространялись керамические традиции, обменные товары, а на позднем этапе — и отдельные металлические изделия. В то же время отдельные элементы предложенной автором историко-культурной реконструкции требуют дополнительного пояснения и могут рассматриваться как предмет научной дискуссии.

1) Предложенная автором трёхэтапная периодизация набильской культуры является содержательным результатом исследования; вместе с тем степень её хронологической и типологической обеспеченности требует дополнительного пояснения. Из 19 радиоуглеродных определений в качестве верифицированных используется 12 дат (с. 73), при этом их распределение по этапам и памятникам оказывается неравномерным: ранний этап фактически опирается на серию дат с памятника Джимдан 5, средний этап обеспечен более представительно, а поздний этап связан преимущественно с

материалами памятника Мыс Островной (Т.2, табл. 2). Такая структура требует осторожности при определении границ этапов, особенно с учётом того, что часть дат приходится на проблемные участки калибровочной кривой, включая так называемое плато Гальштата, где калиброванные интервалы существенно расширяются и соседние хронологические отрезки могут перекрываться.

В связи с этим желательно было бы яснее показать, какие признаки, помимо абсолютных дат, являются решающими при разграничении раннего, среднего и позднего этапов: особенности керамической технологии, морфология сосудов, орнаментация, домостроительство, структура поселений или характер инвентаря. Судя по сводным таблицам, ряд базовых признаков набильской керамической традиции сохраняет значительную устойчивость на протяжении всего времени её существования, тогда как наиболее отчётливые изменения проявляются на позднем этапе (Т.2, табл. 6–10). Поэтому особого пояснения требует вопрос о том, какие именно критерии являются определяющими при разграничении этапов развития набильской культуры.

2) Второе замечание касается соотношения частных археологических наблюдений и более широких историко-культурных выводов. Одним из сильных результатов диссертации является анализ воздействия набильской керамической традиции на местное южносахалинское гончарство и формирование сусуйского керамического типа (§3.3). В положениях, выносимых на защиту, этот вывод сформулирован достаточно корректно и осторожно: речь идёт о традициях изготовления керамики, их воздействии на местные гончарные традиции и формировании керамики сусуйского типа (с. 11). Вместе с тем в заключении соответствующая интерпретация получает более широкое звучание: говорится о формировании сусуйской культуры «под влиянием инфильтрации носителей набильской культуры» (с. 213), о северных мигрантах как проводниках металла и новых приёмов работы с ним, а также о том, что данный процесс стал «определяющим фактором в сложении новой сусуйской культуры» (с. 213).

Такая реконструкция представляется интересной, однако требует дополнительного обоснования. Фиксация подражаний набильской керамике и размывания морфологических традиций местного гончарства убедительно свидетельствует о прямых культурных контактах и воздействии на сферу керамического производства. Однако переход от этого вывода к тезису об инфильтрации носителей набильской культуры и о формировании сусуйской культуры в целом предполагает более широкий уровень доказательности. Дополнительной аргументации требует и роль металла в данном процессе: находки металлических изделий в набильских комплексах единичны и пока связаны только с поздним этапом, тогда как собственная металлургия на Сахалине не фиксируется. В связи с этим формулировка о металле и северных мигрантах как «определяющем факторе» сложения сусуйской культуры нуждается в более осторожном изложении.

Представляется желательным яснее разграничить несколько уровней вывода: воздействие набильской гончарной традиции на формирование сусуйского керамического типа; участие северосахалинских групп в обменных сетях, через которые на остров поступали металлические изделия; и более широкую реконструкцию инфильтрации населения и формирования сусуйской культуры. С учётом современных представлений о сложном и многокомпонентном характере формирования населения и культурных традиций южного Сахалина в эпоху палеометалла такие выводы целесообразно формулировать в более осторожной модальности.

3) Третье замечание связано с причинной интерпретацией динамики набильской культуры. В заключении автор выделяет два основных фактора, определявших её развитие: палеоклиматические изменения и приток нового населения (с. 214). Такая постановка вопроса представляется продуктивной, поскольку позволяет рассматривать набильскую культуру не только как совокупность археологических признаков, но и как исторически изменяющуюся систему. Вместе с тем причинная связь между природно-климатическими изменениями, миграционными импульсами и

трансформациями материальной культуры требует более детального пояснения.

Палеоклиматические данные позволяют обозначить общий экологический фон и возможные изменения условий обитания, однако сами по себе они не всегда объясняют конкретные изменения в керамической традиции, домостроительстве, структуре поселений или характере межкультурных контактов. Аналогично приток нового населения может быть одним из факторов культурной динамики, но его воздействие в разных случаях проявляется по-разному: через инфильтрацию, обмен, заимствование отдельных технологических или орнаментальных признаков, аккультурацию или ассимиляцию. В связи с этим желательно было бы яснее разграничить, где автор фиксирует прямые археологические признаки изменений, где речь идёт о вероятной причинной связи, а где — о более широкой историко-культурной гипотезе. Особенно это важно для позднего этапа набильской культуры и интерпретации её исчезновения как целостного феномена. Предположение о роли большебухтинского компонента и о растворении набильских традиций в среде нового населения (с. 212–213) представляется интересным, однако желательно было бы подробнее показать археологические признаки, позволяющие соотносить материалы позднего этапа набильской культуры с большебухтинским культурным кругом.

Высказанные замечания имеют дискуссионный и рекомендательный характер и не снижают общей положительной оценки диссертации. Отмеченные дискуссионные положения во многом отражают объективную сложность реконструкции историко-культурных процессов по археологическим источникам и обозначают перспективные направления дальнейших исследований автора.

Диссертация представляет собой самостоятельное, логически завершённое исследование, выполненное на высоком научном уровне и вносящее существенный вклад в изучение эпохи палеометалла островного мира Дальнего Востока. Автореферат и опубликованные работы автора в полной мере отражают основное содержание диссертации; результаты

исследования прошли необходимую апробацию в рецензируемых научных изданиях, а также в докладах на научных конференциях.

Диссертационное исследование П.А. Пашенцева «Набильская археологическая культура эпохи палеометалла на о. Сахалин. X–II вв. до н. э.» соответствует требованиям, предусмотренным пп. 9–11, 13, 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней». Автор исследования, Павел Анатольевич Пашенцев, заслуживает присуждения учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. Археология.

Официальный оппонент,

доктор исторических наук, ведущий научный

сотрудник лаборатории истории и экономики

Федерального государственного бюджетного

учреждения науки

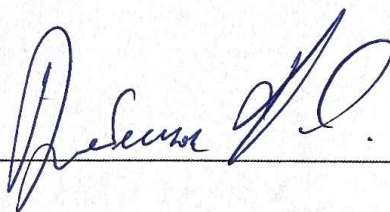
«Северо-Восточный комплексный научно-

исследовательский институт им. Н.А. Шило

Дальневосточного отделения Российской академии наук» П.С. Гребенюк

наук» (СВКНИИ ДВО РАН)

24 июня 2026 года

Гребенюк Павел Сергеевич

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук» (СВКНИИ ДВО РАН)

Адрес: 685000, г. Магадан, ул. Портовая, 16

Тел.: +7 (4132) 63-00-51

Сайт: <https://neisri.ru>

Эл.почта: secretary@neisri.ru

ПОДПИСЬ Гребенюка П.С.

Зав. отделом кадров СВКНИИ ДВО РАН

24.06.2026

